

Лун Юй умел блистать, когда того требовали обстоятельства, но не хуже умел и затаиться. Его характер был плодом среды, в которой ему приходилось выживать.

Свою лавку они назвали просто — «Закусочная». Никаких вычурных вывесок, лишь деревянная табличка с размашистым иероглифом «Крепкое», красноречиво намекавшим на градус напитков. Открытие прошло буднично: бахнули две связки петард, и на этом церемонии закончились.

Внутри теснились винные кувшины всех мастей. Самые огромные, в человеческий рост, выстроились вдоль стен, а на полках красовались изящные белоснежные бутылки с длинными горлышками — сразу было ясно, что их содержимое не чета тому, что томилось в глиняном нутре напольных сосудов. В глубине двора располагалась собственная винокурня с двумя рядами чанов. Всё как в обычной лавке, за одним исключением: аромат местного вина был настолько густым и изысканным, что голову кружило от одного лишь вдоха.

Хозяевами были двое мужчин. Обитатели переулка Юньшуй, лишь взглянув на них, сразу понимали, какая связь их объединяет. Впрочем, в этом месте почти все жили подобным образом.

Один — воплощение кротости и благородства, другой — воплощение пленительного коварства. Несмотря на разницу, вместе они смотрелись на диво гармонично. За прилавком обычно стоял тот, что поспокойнее, пока «демонический» хозяин либо щёлкал косточками на счётах, либо пригублял вино из крошечной чарки белого нефрита. Стоило ему прищуриться, смакуя напиток, как он становился невыносимо соблазнительным.

Мэн Даху был из тех, кто попался на эту удочку. Он повадился ходить в лавку каждый день, заказывая по две порции эргоутоу лишь ради того, чтобы перекинуться словечком с заманчивым лавочником. Однако шло время, а тот даже взгляда в его сторону не ронял, чем неслабо раззадоривал здоровяка.

В тот день, заметив, что «благородного» спутника нет на месте, Мэн Даху набрался смелости и подошёл к стойке. Громко стукнув старой бутылью о дерево, он прочистил горло:

— Вина мне.

Лун Юй, не отрываясь от гроссбуха, лишь мазнул по нему коротким взглядом. Забрал посуду, налил две меры эргоутоу и выставил обратно. И снова ни единого слова, отчего Мэн Даху в смущении поскрёб затылок.

— Послушай, парень... — решил он на пробу. — Тот человек, ну... он твой муж?

Лун Юй наконец поднял глаза и одарил его коротким, неопределённым взглядом. Молчание было воспринято как знак согласия.

— Гляжу я на него — кожа да кости, — Мэн Даху сально усмехнулся, красноречиво опустив взгляд ниже пояса. — Сдюжит ли он? Маловат в плечах-то.

— Хе, — Лун Юй тонко усмехнулся. Скользнув по наглецу ленивым взглядом, он наконец соизволил заговорить: — Он-то, может, и не сдюжит, да только мне и своих сил хватит.

От такой дерзости у Мэн Даху челюсть едва не ударилась о прилавок.

Лун Юй же вновь уткнулся в записи, потеряв к собеседнику всякий интерес. Стоило здоровяку понуро убраться восвояси, как Яи, до того таившийся за спиной, обхватил Лун Юя за талию и, не дав опомниться, подхватил на руки, унося на второй этаж.

— Средь бела дня?! Ты что творишь? — Лун Юй вцепился ему в шею, возмущённо глядя на него.

— Что творю? — Яи хищно прищурился. — Позабавимся, Чжэнь-эр. Кто там из нас «не сдюжит»? Ты, значит, у нас за двоих справляешься?

Лун Юй невольно вздрогнул. Его пальцы, всё ещё сжимавшие чужую шею, нежно погладили затылок Яи, пытаясь умиловить мужа.

— Ну а что мне оставалось сказать? Признаться, что ты у меня ненасытный зверь?

Яи от удовольствия прикрыл глаза, чувствуя мягкие прикосновения, и его гнев почти угас под этой лаской. Однако...

— Ты прав, радость моя, — промурлыкал Яи, укладывая его на постель. — Это касается только нас двоих.

Лун Юй, едва коснувшись спиной одеяла, понял — миром дело не кончится. Гнев Яи ещё не остыл.

— Не будь таким мелочным! — фыркнул он.

— О, я буду до крайности мелочным! — Яи, не теряя времени, навис сверху, прерывая все споры поцелуем и уверенно избавляя любимого от лишней одежды. Делом, а не словом он решил доказать, на что способен этот «хрупкий» учёный!

В ту ночь Лун Юй на собственной шкуре усвоил урок: никогда не ставь под сомнение мужскую силу своего супруга. Чревато последствиями.

Следующие два дня Лун Юй в лавке не показывался. Зато Яи буквально светился довольством, и соседи, завидев его, лишь понимающе переглядывались. А сам Лун Юй тем временем лежал наверху, кусая одеяло и мысленно осыпая мужа проклятиями.

«Скотина! Развратник! Всё, решено — спим в разных комнатах!»

Поместье принцессы

Дзинь!

Изящная фарфоровая чашка разлетелась вдребезги у ног коленопреклонённого офицера. Тот даже не вздрогнул, сохраняя ледяное спокойствие.

— Прошу Ваше Высочество унять гнев. Желаете, чтобы я удвоил число ищеек?

— Само собой! — Ли Гуй раздражённо барабанила пальцами по столу. — Все места проверили?

— Все, кроме переулка Юньшуй, — прямо ответил офицер. Он недвусмысленно намекал: все знают, что это за место. Если те двое скрылись там, значит, их связывает нечто большее, чем просто дружба.

Принцесса на мгновение замялась, но лишь на миг.

— Сначала найдите их.

А какая между ними связь — дело десятое. То, чего она желала, всегда становилось её собственностью.

— Слушаюсь.

Офицер удалился, гадая про себя, кого послать на это задание, чтобы человек не сгинул в том гиблом месте.

В стране Сюаньжу мужчин условно делили на два типа. Первые — те, кто отродясь к женщинам не тяготел, особенно среди военных чинов. Брак для них был лишь формальным союзом ради укрепления клана, а жили супруги каждый своей жизнью. В таких парах не было «мужа» и «жены» в привычном смысле, царило равноправие, но чаще такие мужчины заводили себе «названного брата» и вовсе не связывали себя узами с женщинами. Вторые же — изнеженные таланты, мечтавшие о чиновничьей карьере, чей путь неизменно заканчивался

в женских покоях на правах наложников.

Переулоч Юньшуй стоял особняком. Там жили мужчины, обладавшие почти животным магнетизмом, но сердца их были закрыты для женщин. Многие служанки пытались попытать там счастья, но возвращались ни с чем.

Жизнь в переулочке Юньшуй текла своим чередом. Лавчонки здесь теснились так плотно, что казались единым организмом. Некоторые были настолько крохотными, что в них едва мог развернуться один человек. Большинство торговало снедью на вынос — купил и ешь на ходу, ведь супы здесь не жаловали: неудобно и сытости мало.

Винокурня Лун Юя считалась по местным меркам роскошным заведением. После того как они открылись, два соседних трактира перестали закупать вино на стороне. Зачем везти издалека кислую бурду, если под боком можно взять бочонок напитка, от которого кровь закипает в жилах? Мужчины, изнурённые тяжёлым трудом, ценили крепость превыше всего, а приторные плодовые настойки, столь любимые знатью, здесь считали детским баловством.

В Сюаньжу правили женщины, и виноделы подстраивались под их капризные вкусы. Сливовое, розовое, медовое — как ни назови, а на деле это была лишь сладкая водица. Настоящее крепкое вино делать было невыгодно, разве что какой торговец придержит партию фруктового пойла, пока оно не забродит до резкости. Но отстоявшееся плодородное вино теряло аромат и становилось гадким на вкус. В итоге лавок с чистым, ядрёным алкоголем почти не осталось.

— Хозяин, плесни два кувшина «Шаодаоцзы», два — эргоутоу и один «Бамбуковой зелени»! Живо! — В дверях закричал посыльный из трактира «Кэлайюань», с размаху хлопая монетами по прилавку.

Лун Юй, меланхолично вдыхая аромат из своей чарки, окинул его ленивым взглядом:

— Сам тащи.

Посыльный чуть не подавился воздухом от такой наглости:

— Да я ж не сдюжу!

— А по мне видно, что я сдюжу? — Лун Юй вопросительно приподнял бровь.

Мальчишка осёкся. Глядя на этого утончённого красавца, трудно было представить его за чёрной работой. В голове посыльного вертелся один и тот же вопрос: как же они затаскивают эти неподъёмные чаны в лавку? Его муж на вид тоже не бог весть какой силач.

Пришлось звать подмогу. Когда вино было погружено, поблагодарить заглянул младший хозяин трактира по фамилии Сюй. Соседи звали его Сяо Гэ-эр. Парень он был недурной собой и с самого открытия лавки ошивался здесь подозрительно часто.

— Хозяин, как жизнь? Всё трудишься? — Сяо Гэ-эр расплылся в улыбке. Он бы и рад был назвать Лун Юя по имени, да только тот не спешил представляться. Знал он только, что мужа зовут Яи, а тот вечно звал супруга то «радостью моей», то «Чжэнь-эр».

— У моего мужа фамилия Инь, — отрезал Лун Юй, давая понять: я занят, и занят крепко.

— Да я... я не в обиде, — Сяо Гэ-эр слегка покраснел. — В нашем переулке и не такое бывает.

Взгляд Лун Юя мгновенно стал ледяным:

— А я — в обиде.

Сяо Гэ-эр застыл как вкопанный. Тот взгляд, холодный и пронзительный, показался ему невероятно притягательным.

— Е-если захочешь уйти от него... я... я обеспечу тебя всем! — выпалил он, заливаясь краской до самых ушей.

Лун Юй расхохотался. Повернувшись к занавеске, ведущей во внутренние покои, он громко позвал:

— Эй, слышал? Говорят, стоит мне тебя бросить, и от желающих содержать меня отбоя не будет!

Занавеска колыхнулась, и вышел Яи. Смирненно вздохнув, он по-хозяйски обнял Лун Юя за талию.

— И ты уверен, что он сможет тебя удовлетворить? — Он одарил Сяо Гэ-эра ледяным взглядом. Тот почувствовал, как по спине пробежал мороз. С виду мягкий и обходительный человек внезапно показался ему воплощением первобытного ужаса.

— Тебе пора, — бросил Лун Юй.

Сяо Гэ-эр, несолоно хлебавши, поплёлся к выходу, едва не столкнувшись в дверях с Ли Гэ-эром.

— Что, Сяо Гэ-эр всё никак не угомонится? — Тот поставил пустой жбан на стойку. — Мне как обычно, порцию дешёвого «Сяошао».

— Да бес его попутал, — усмехнулся Лун Юй. Привычно наполнив жбан, он достал отдельный маленький кувшинчик и налил чарку. — Ли Гэ-эр, пригуби-ка это.

— О, а это что? Цвет знатный. — Ли Гэ-эр без лишних слов осушил чарку и шумно выдохнул. — Вот это мощь! Жжёт, но мягко идёт.

— Это «Разбитое золото», только-только из чана, — Лун Юй отхлебнул из своей чашки и разочарованно качнул головой. — Рано выставил. Вкус ещё не набрал плотности.

— Должно быть, дорогое вино? — с любопытством спросил гость.

— Жить можно. Видишь, оно желтоватое? Если выстоять как надо, станет цветом точь-в-точь как янтарь. Молодое вино гроша ломаного не стоит, истинная цена лишь в старом.

Лун Юй любовался игрой света в нефритовой чарке. Ли Гэ-эр лишь вздохнул — он и представить не мог, о каком янтаре толкует этот знаток.

— Каков мастер... столько всего знаешь, — протянул он с тоской.

— Когда дело любимое, знания сами приходят. Зато ни от кого не зависишь. Верно я говорю, Ли Гэ-эр? — Лун Юй посмотрел ему прямо в глаза. — Твой дом ведь тоже выходит окнами на улицу. Прорубил бы вход, открыл своё дело... Зачем себя в кабале держать? Кстати, баоцзы у тебя знатные выходят. На всей улице таких не сыскать. Не так ли?

Ли Гэ-эр стоял как громом поражённый, лишь машинально кивая в ответ на его слова.

Когда он ушёл, Яи притянул Лун Юя к себе и нежно поцеловал в щеку:

— Приглянулся он тебе?

Лун Юй покачал головой:

— Просто не люблю смотреть, как человек ломается.

Он знал историю Ли Гэ-эра. Тот сошёлся с женщиной, который поначалу был ласков, а потом, когда дела пошли прахом, начал распускать руки. Дошло до того, что ублюдок вознамерился продать своего спутника. Ли Гэ-эр пытался сопротивляться, но силы были не равны. Теперь слова Лун Юя стали для него откровением: дом принадлежит ему, он здесь хозяин!

Спустя несколько дней Ли Гэ-эр действительно открыл лавку. С синяками на лице, но с гордо поднятой головой он начал торговать баоцзы. Своего сожителя он вышвырнул вон; говорят, тот

пытался скандалить, но местные мужики быстро объяснили ему правила приличия, выкинув в сточную канаву.

Лун Юй с улыбкой смотрел на тарелку с двумя пышными, белоснежными баоцзы.

Смиришься с участью — будешь страдать до гроба. А решишься на борьбу — глядишь, и перевернёшь доску. Всё зависит только от твоего выбора.

Он прислонился к плечу Яи, глядя куда-то вдаль.

Вот только есть судьбы, которые не переиграть одним лишь желанием...

<http://bllate.org/book/17533/1703010>